

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Д. Холопов

Основы философии религии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1915. № 9. С. 1122-1134.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Основы философіи религіи.

Методологическіе принципы философіи религіи.

Христіанство и философія исторіи.

1. Общія задачи. 2. Позиція религіи въ новое время и принципъ эволюціи. 3. Тайна исторіи и тайна христіанства. 4. Характеристика первоначальнаго христіанства. 5. Философія христіанства въ ея историческомъ развитіи.

1. Чтò мы имѣемъ въ религіи—одно изъ преходящихъ звеньевъ культурно-исторической эволюціи или же абсолютную вѣчную цѣнность, возвышающуюся надъ законами времени? Вопросъ этотъ можетъ быть опредѣленно рѣшенъ только въ томъ случаѣ, если мы предварительно дадимъ исчерпывающій анализъ природы религіознаго сознанія и опредѣлимъ тѣ составныя духовныя элементы, изъ которыхъ она слагается. Но уже самая постановка вопроса о природѣ религіознаго сознанія представляется чрезвычайно сложной гносеологической проблемой, рѣшеніе которой находится въ прямой зависимости отъ опредѣленныхъ данныхъ методологіи и исторіи.

При такихъ условіяхъ, т. е. до момента выдѣленія составныхъ элементовъ религіознаго сознанія, одно только представляется вполне несомнѣннымъ, что религія въ качествѣ духовнаго фактора находится между различными борющимися въ исторіи силами. Ближайшая исходная задача, такимъ образомъ, можетъ состоять только въ томъ, чтобы уяснить соотношеніе между ними и опредѣлить ту позицію, которую въ настоящее время занимаетъ среди нихъ религія.

Бросая общій взглядъ на историческую роль религіи, мы не можемъ не замѣтить, что религія съ самаго своего возникновенія боролась за существованіе, между прочимъ, и въ качествѣ системы опредѣленнаго міровоззрѣнія. И если мы признаемъ за нимъ хоть какую-нибудь объективную значимость, если мы признаемъ за нимъ его философскую правоспособность, то при провѣркѣ этой послѣдней мы должны будемъ пройти черезъ длинный рядъ различныхъ гносеологическихъ теорій, пытающихся прямо или косвенно разрушить религиозное міровоззрѣніе.

Въ борьбѣ съ противорелигіозными направленіями современной мысли мы должны будемъ имѣть въ виду возможность положительнаго рѣшенія главной проблемы религіи, проблемы богосознанія. Если не философски, то, по крайней мѣрѣ, методологически нашъ споръ можетъ считаться законченнымъ, когда намъ удастся доказать, что религія болѣе чѣмъ простой исторической феноменъ, болѣе чѣмъ опредѣленный психологическій фактъ, переживаемый только людьми опредѣленной душевной организаціи и настроенія, а имѣетъ свою собственную метафизику, объективная достовѣрность которой можетъ быть провѣрена путемъ умозрительнымъ и опытнымъ. Само собой разумѣется, что признавая въ христіанствѣ вершину религиознаго самоопредѣленія личности, выдвигая его абсолютность, его исключительность, его несравнимость со всѣми другими формами религиознаго сознанія, при провѣркѣ религиознаго міровоззрѣнія мы будемъ имѣть въ виду міровоззрѣніе христіанства, такъ какъ въ немъ одномъ философствующій разумъ можетъ найти высшее удовлетвореніе и философская истина свое идеальное воплощеніе, такъ что въ концѣ концовъ понятіе религіи и понятіе христіанства, съ точки зрѣнія ихъ философской цѣнности, будутъ для насъ вполне идентичными.

Но для того, чтобы легче было ориентироваться среди различныхъ умственныхъ теченій, оспаривающихъ религиозное міровоззрѣніе, для того чтобы судить объ ихъ сравнительной цѣнности, мы должны будемъ избрать съ ними какую-либо общую почву, мы должны будемъ условиться насчетъ самаго критерія достовѣрности, который бы далъ намъ возможность перейти отъ безспорныхъ общихъ положеній къ выводамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ. И наши поиски за этимъ критеріемъ, хотя и представляются довольно

трудными, но далеко не безнадежными. Современная научная методология при всемъ разнообразіи своихъ объяснительныхъ принциповъ могла бы принять какъ вполне безспорное слѣдующее положеніе: всякая засвидѣтельствованная истина допускаетъ лишь одну возможную провѣрку ея, провѣрку при посредствѣ *разума и опыта*. А если такъ, то новое время, ознаменовавшееся расширеніемъ компетенціи научнаго метода, распространеніемъ методологіи опыта на всѣ сферы знанія, чрезвычайно благоприятствуетъ безпристрастному рѣшенію религіозной проблемы. По крайней мѣрѣ, для всякаго, кто различаетъ психологію религіознаго сознанія и его метафизику, представляется совершенно несомнѣннымъ, что міровоззрѣніе религіи можетъ опираться какъ на опытъ, такъ и на логическую аргументацію.

Понятіе опыта, при посредствѣ котораго формируется и провѣряется наше знаніе въ его предварительной стадіи, должно быть расширено и перенесено не только на міръ бытія внѣшняго, но и на сферу бытія внутренняго. Не само собой разумѣется, что знаніе, добываемое съ помощью одного опыта, носитъ незаконченный характеръ. Опираясь на одинъ лишь опытъ и не выходя за его предѣлы, мы можемъ только описывать явленія, не прибѣгая къ ихъ объясненію и не пытаясь заглянуть въ ихъ внутреннюю природу. Однако мы не имѣемъ права создавать искусственныя границы для знанія и оставаться во власти фактовъ, не объясняя ихъ. Нашъ разумъ вовсе не обреченъ на вынужденное самоубійство, и какъ только мы, опираясь на факты, переходимъ къ умозаключеніямъ, сразу же выступаетъ объективная значимость категоріи причинности. Благодаря такой конституціи нашего разума мы имѣемъ возможность полностью осуществить идеаль знанія и полностью удовлетворить нашу потребность въ пониманіи.

Такимъ образомъ провѣрка всякой засвидѣтельствованной истины пріобрѣтаетъ свою законченность, съ одной стороны, благодаря опыту, когда она переживается нами или какъ фактъ внѣшняго порядка или какъ событіе внутренняго порядка, съ другой стороны, благодаря умозаклюющей дѣятельности разума, когда она будетъ возведена къ своей опредѣляющей причинѣ, къ своему достаточному основанію. Ни одна истина, и въ томъ числѣ истина религіознаго порядка, не можетъ претендовать на полную законченность,

если она не пройдетъ черезъ это двойное испытаніе. Такое испытаніе и необходимо и вполне достаточно, оно и только оно одно гарантируетъ насъ отъ ошибки и полужнанія.

Но религія представляетъ собою не только систему опредѣленнаго міровоззрѣнія, истинность котораго можетъ быть установлена совершенно такимъ же порядкомъ, какъ истинность любого теоретическаго положенія, но рядъ историческихъ фактовъ, относящихся къ временамъ болѣе или менѣе отдаленнымъ. Здѣтъ опытная провѣрка представляется по самому существу дѣла какъ будто совершенно невозможной. Въ силу этой невозможности опытной провѣрки религіозной истины сама религія какъ будто низводится на степень проблематическаго знанія, которому никогда не суждено сдѣлаться вполне достовѣрнымъ знаніемъ. На этой предпосылкѣ нѣкоторое время можетъ базироваться догматизмъ отрицанія.

Однако всѣ наиболѣе значительные факты религіозной исторіи отличаются какимъ-то исключительнымъ характеромъ, характеромъ исключительной жизненности. Мы сами чувствуемъ себя связанными съ ними самыми интимными сторонами своей личности. Эти факты и эти событія какъ будто вѣчно повторяются передъ нашими глазами, и мы сами являемся ихъ живыми свидѣтелями, испытываемъ на себѣ ихъ силу, оцѣниваемъ ихъ значеніе, провѣряемъ ихъ истинность. Въ томъ-то и заключается, повидимому, вся особенность религіозной исторіи, что здѣсь нѣтъ исторической смерти; здѣсь событія не располагаются въ преемственномъ порядкѣ, когда одинъ историческій фактъ вытѣсняетъ другой, чтобы самому быть затѣмъ оттѣсненнымъ въ круговоротѣ временъ, когда одна историческая цѣнность упраздняетъ и вытѣсняетъ другую. Исторія религіи есть исторія расширенія ея объема, углубленія ея содержанія, измѣненія напряженности духа, развитія ея потенциальной энергіи.

Но даже и въ качествѣ простаго историческаго событія религія не боится и не можетъ избѣгать результатовъ исторической критики. Ея событія наравнѣ съ другими событіями исторіи могутъ быть устанавливаемы путемъ историческаго *свидѣтельства*, болѣе или менѣе достовѣрнаго. Историческое свидѣтельство, достовѣрность котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть абсолютной, является замѣной непосредственнаго опыта или историческимъ опытомъ, который былъ

произведенъ за насъ другими людьми. Такимъ образомъ религія становится на одинаковую методологическую почву со всѣми другими науками. А такая постановка религіозной проблемы можетъ послужить хотя бы косвенной причиною разсѣянія цѣлаго ряда предубѣжденій противъ религіи, и мы не сомнѣваемся, что она уже дала свои несомнѣнные плоды. Во всякомъ случаѣ, если мы послѣ предварительной провѣрки всѣхъ свидѣтельствъ, относящихся къ опредѣленному религіозному событію, убѣдимся, что свидѣтельства эти не могутъ быть поколеблены, что они вполне достовѣрны, то здѣсь, въ этихъ изслѣдованіяхъ, мы будемъ имѣть въ объективномъ смыслѣ доказательство болѣе высокаго порядка, чѣмъ любой личный религіозный опытъ.

2. Едва-ли мы ошибемся, если будемъ утверждать, что времена прямолинейнаго и плоски вульгарнаго отрицанія религіи, имѣющаго свой глубочайшій источникъ или въ систематическомъ предубѣжденіи, или же въ полномъ отсутствіи научно-психологическаго отношенія къ несомнѣннымъ фактамъ религіознаго опыта, теперь безвозвратно миновали. Мы вовсе не рискуемъ впасть въ преувеличеніе, если скажемъ, что среди наиболѣе серьезно настроенныхъ современныхъ умовъ враждебныя вылазки противъ религіи отдѣльныхъ представителей противорелигіознаго теченія мысли окончательно утратили свой кредитъ, и воинствующая разрушительная форма безвѣрія въ наше время дѣлается явнымъ анахронизмомъ. Повидимому, столь грозная для основъ религіи отрицательная критика, пройдя весь циклъ своего развитія, исчерпала самое себя, а неисчерпаемая проблема религіи выступаетъ съ новой силой.

Даже и тѣ изъ новѣйшихъ мыслителей, которые не склонны становиться на точку зрѣнія религіознаго міропониманія или же ошибочно представляютъ себѣ дальнѣйшую эволюцію религіознаго сознанія, отмѣчаютъ несомнѣнный фактъ, что въ отношеніяхъ науки къ проблемамъ религіи до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было что-то неладное, что такой настойчивый и повсемѣстный классъ явленій какъ религія требуетъ напряженнаго вниманія по отношенію къ себѣ и что, наконецъ, религіозныя системы, какъ-бы слабо ни выражена была въ нихъ научно-философская сторона вопросовъ жизни, должны имѣть опредѣленную функцію въ исторической эволюціи. Здѣсь уже религія возводится на

степень непреходящаго фактора историческаго процесса. И то признаніе, которое въ новое время дѣлается послѣдователями О. Конта съ его противорелигіознымъ закономъ о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества, именно, что слѣдствіемъ всей отрицательной критики было лишь несомнѣнное „усиленіе моральной власти христіанства надъ человѣчествомъ“, мы, во всякомъ случаѣ, должны будемъ считать знаменіемъ времени, можетъ быть, указывающимъ на поворотный пунктъ въ исторіи вообще. Мы являемся свидѣтелями поворотнаго движенія въ духовно-исторической жизни современнаго человѣчества, предвѣщающаго намъ благопріятные симптомы дальнѣйшихъ судебъ религіи. Если христіанство морально побѣдило разрушительныя для жизни теоріи, то можно предполагать, что въ немъ есть еще нераскрытыя жизненныя силы, которыя и готовятъ его грядущее торжество.

Но имѣются-ли какія-нибудь основанія для этой оптимистической вѣры въ торжество христіанства по всей линіи исторіи помимо прямого засвидѣтельствованія его противниковъ, не нарушается-ли ею самостоятельность историческаго движенія, не заключаетъ-ли въ себѣ эта вѣра посягательства на самый законъ времени, которому подчиняется процессъ историческаго развитія? Для опредѣленнаго рѣшенія всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ намъ необходимо установить общія теоретико-философскія и философско-историческія предпосылки.

И прежде всего мы должны освободить себя отъ губительной власти иллюзій и одностороннихъ теорій. Выходя изъ опыта и опираясь на опытъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать объективную значимость исторической эволюціи такъ же, какъ и всякой другой эволюціи, такъ какъ само время, этотъ краеугольный камень эволюціи, съ нашей точки зрѣнія, является не субъективнымъ продуктомъ познающаго субъекта, а несомнѣнною реальностью, черезъ которую мы проходимъ и за границы которой мы постоянно пытаемся заглянуть. Это — непостоянный, колеблющійся, волнующійся образъ вѣчности. Будучи метафизической границей личности, время въ мірѣ бытія эмпирическаго можетъ быть и источникомъ паденія и источникомъ возвышенія личности. То-же самое можно сказать и относительно понятія эволюціи въ обширномъ смыслѣ слова. Понятіе эволюціи всегда носитъ двоякій или даже двусторонній характеръ: оно является и раскрытіемъ прежде даннаго начала, превра-

щеніемъ потенціального состоянія въ дѣятельное, и понятіемъ развитія въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. осложненіе даннаго достигнутаго результата какими-нибудь посторонними элементами, обнаруженіе которыхъ вовсе не предопредѣляется первоначальной природой эволюціоннаго цѣлаго.

Онтологизировать законъ эволюціи, т. е. переносить его на всѣ формы дѣйствительности и въ томъ числѣ на само Абсолютное значитъ впадать въ крайности феноменализма, значитъ повторить ошибку Гегеля, которая была предусмотрена и устранена еще Декартомъ. Но и обходить законъ эволюціи и считать его иллюзорнымъ значитъ создавать для мысли не меньшія трудности, связанныя съ неизбежными выводами солипсизма, отъ которыхъ не могъ освободиться даже такой выдающійся мыслитель какъ Фихте. Для характеристики мірового цѣлаго гераклитовское *πάντα ῥεεῖ* и элеатская неизмѣнность, непричастность закону времени, неразложимость и саморавенство бытія слишкомъ отвлеченно и схематично, а не только односторонне. Въ каждой изъ этихъ системъ не трудно видѣть смѣшеніе бытія абсолютнаго съ бытіемъ, развивающимся въ границахъ пространства и времени, и упущеніе нѣкоторыхъ существенныхъ моментовъ въ міровомъ бытіи. Кроме того, ни въ одной изъ нихъ принципъ эволюціи не продуманъ до конца во всемъ его содержаніи.

Надо принять эволюцію въ ея дѣйствительной значимости и силѣ, надо признать ея значимость въ отношеніи ко всѣмъ событіямъ и ко всѣмъ явленіямъ, разыгрывающимся въ пространственно-временномъ мірѣ. Всякое событіе въ мірѣ должно быть разсматриваемо подъ угломъ дѣйствія закона эволюціи. Вселенная и мы сами находимся въ движеніи, и это движеніе не круговращательное, какъ ошибочно думали Гераклитъ и Ницше, а поступательное, — такова предварительная характеристика этого принципа, о которомъ древніе философы имѣли неполнѣ законченное представленіе.

Но для завершения характеристики міровой эволюціи нужно опредѣлить ея внутреннюю природу и указать на самое направленіе эволюціоннаго движенія, ибо только однимъ этимъ направленіемъ опредѣляется вся цѣнность эволюціоннаго развитія. Міровое цѣлое представляется намъ системой различныхъ центровъ силъ, развивающихся прежде всего благодаря заложеннымъ въ нихъ потенціямъ. Первоначальный и прямой смыслъ эволюціи въ ея отношеніи къ

этимъ метафизическимъ центрамъ бытія будетъ въ сущности не развитіемъ, а раскрытіемъ уже заранѣе даннаго содержанія. Если-бы мы могли поставить себя на точку зрѣнія въѣпространственнаго и въѣвременнаго бытія, если-бы могли смотрѣть на вещи *sub specie aeternitatis*, то мы видѣли бы это содержаніе вполне раскрытымъ и вполне завершеннымъ, мы не имѣли бы передъ собой послѣдовательнаго перехода отъ одного момента къ другому, мы не имѣли бы передъ собой именно процесса эволюціоннаго развитія; каждое слагаемое этого сложнаго ряда не представляло бы для нашего зрѣнія ничего новаго, ничего неожиданнаго. Но именно вслѣдствіе безспорной ограниченности нашего духовнаго зрѣнія, вслѣдствіе того, что мы сами вовлечены въ потокъ временно-пространственнаго бытія послѣдовательное развитіе міроваго цѣлаго представляется намъ совершенно неустрашимымъ фактомъ.

Міровое цѣлое, какъ мы его наблюдаемъ и изучаемъ, является результатомъ самораскрытія и взаимодействія различныхъ метафизическихъ центровъ бытія, и вся сложная эволюція міра опредѣляется свободнымъ развитіемъ этихъ центровъ. Если въ міровомъ бытіи осуществляется іерархическій порядокъ, т. е. если каждый рядъ въ этомъ сложномъ цѣломъ свободно опредѣляется въ своемъ развитіи высшимъ центромъ бытія, то такая эволюція міра будетъ поступательной. Если же этотъ естественный порядокъ нарушается, если разрушается основной принципъ всякой іерархіи, если развитіе основныхъ единицъ міра опредѣляется низшимъ центромъ, то мѣняется и основной тонъ міра, падаетъ его цѣнность, уменьшается его жизненная сила. Такимъ образомъ, противоіерархическій порядокъ въ міровомъ бытіи, если онъ осуществляется послѣдовательно, будетъ источникомъ хаоса и разрушенія міра.

Міръ опыта представляется ареной борьбы противоположныхъ силъ или, точнѣе говоря, онъ самъ разлагается въ этой борьбѣ; она создается и развивается изъ соотношенія его элементовъ. Но такъ какъ борьба эта является результатомъ свободнаго самоопредѣленія метафизическихъ центровъ бытія, то ни одна изъ этихъ борющихся силъ не можетъ быть метафизически уничтожена. И послѣднимъ этапомъ этой космической драмы должно быть не уничтоженіе одной изъ борющихся силъ, а ихъ полная дифференціация. Такъ съ роковою неизбѣжностью развертывается передъ

нашими взорами этотъ великій міровой свитокъ, на послѣднихъ страницахъ котораго безповоротно опредѣляется судьба міра. Или доведенная до наивысшаго предѣла мощь бытія, вѣчная жизнь, или противоположный полюсъ жизни, смерть „вторая“—таковы послѣднія слова книги бытія.

Но такъ просто и съ такою неужержимою прямолинейностью разрѣшаются всѣ сложныя проблемы эсхатологіи только потому, что мы обходимъ нѣкоторые факты, которые должны если не измѣнить, то во всякомъ случаѣ осложнить наши эсхатологическія предпосылки. И здѣсь представляется необходимымъ восполнить раціональный методъ эмпирическимъ. Судьба міра была бы безповоротно опредѣленной, если бы въ міровомъ бытіи не произошло великой катастрофы паденія, указаніе на которое мы находимъ пожалуй во всѣхъ религіозныхъ системахъ. Опытъ также свидѣтельствуешь о томъ, что наше сознаніе переживаетъ иногда состояніе болѣзненнаго самораздвоенія, когда мы находимся во власти противоположныхъ силъ, когда мы чувствуемъ свое полное безсиліе возвыситься надъ этой противоположностью, такъ какъ его первоначальный источникъ скрывается въ какой-то непроницаемой метафизической дали.

Но съ такимъ личнымъ опытомъ вполне можетъ гармонировать убѣжденіе, что паденіе есть совершившійся фактъ, что зло не есть только простое понятіе отрицанія, а живая и дѣйствующая сила, которая можетъ развиваться по собственнымъ біогенетическимъ законамъ до своего предѣльнаго конца, если только въ самомъ развитіи личности не совершится неожиданнаго и внезапнаго переворота, если только сознаніемъ не овладѣетъ сила болѣе высокаго порядка, чѣмъ какую даетъ намъ опытъ, иначе говоря, если не совершится чудо. Космическій смыслъ этого великаго событія могъ заключаться въ измѣненіи соотношенія дѣйствующихъ въ мірѣ силъ, въ перевѣсѣ центробѣжныхъ силъ міра надъ центростремительными. А этотъ новый міропорядокъ могъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ результатомъ только послѣдовательное разпыленіе міра и, наконецъ, его полное саморазрушеніе.

Міръ, предоставленный собственнымъ разрушительнымъ силамъ, повидимому, былъ бы обреченъ на неизбѣжную гибель, если бы въ составѣ его силъ не появилась новая сила болѣе высокаго порядка, если бы не воплотился Логосъ міра,

повѣствованіе о которомъ исторически засвидѣтельствовано Евангелиемъ Іоанна. Благодаря этому событію въ міропорядкѣ появился новый факторъ, опредѣляющій эволюцію міра, и благодаря этому новому фактору несомнѣнно измѣнится конечный результатъ міровой драмы. Вслѣдствіе этого посторонняго вмѣшательства отрицательная сила міровой эволюціи должна быть отбѣженной и изолированной. Мы не можемъ составить себѣ точное представленіе о ея конечной судьбѣ, но мы можемъ не сомнѣваться, что ея вмѣшательство въ міровой порядокъ будетъ совершенно парализовано.

Послѣднимъ моментомъ космической эволюціи должна быть полная дифференціація дѣйствующихъ въ мірѣ силъ, при чемъ центростремительныя силы на своемъ пути къ возвышенію должны развить всѣ заложенныя въ нихъ потенціи, тогда какъ центробѣжныя по мѣрѣ своего постепеннаго удаленія отъ главнаго опредѣляющаго центра должны будутъ пройти длинную скалу послѣдовательнаго сокращенія своей жизненной мощи,—таково общее направленіе эволюціоннаго цѣлаго. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что и сама природа эволюціоннаго процесса была бы совершенно непонятной и самовозвышеніе эволюціоннаго цѣлаго было бы совершенно невозможнымъ, если бы не существовало нѣкотораго предварительнаго равенства въ смыслѣ полноты бытія между основой эволюціоннаго развитія и его опредѣляющими цѣлями. И тѣмъ не менѣе, эволюціонный процессъ по самому существу своему есть процессъ послѣдовательнаго самоопредѣленія временно пространственнаго бытія, и, какъ таковой онъ носитъ не иллюзорный и фиктивный, а вполне реальный характеръ.

По аналогіи съ космической должна быть разсматриваема и эволюція историческая. Она въ сущности не есть процессъ механическаго накопленія цѣнностей во времени; скорѣе, она представляетъ собой послѣдовательное самораскрытіе чело-вѣческаго духа, процессъ послѣдовательнаго развертыванія заранѣе даннаго содержанія. Духовный міръ чело-вѣка представляется тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго постепенно развивается все содержаніе исторіи. Вся историческая дѣйствительность, какимъ бы сложнымъ ни казалось намъ все богатство ея содержанія, уже была предобразована во всей своей полнотѣ въ доисторическую эпоху чело-вѣческой жизни, и доисторическій чело-вѣкъ, если судить объ немъ не на

основаніи апріорныхъ теорій, а на основаніи хотя бы немногихъ сохранившихся памятниковъ, вовсе не является тѣмъ звѣроподобнымъ существомъ, какимъ рисуютъ его себѣ сторонники чистаго механизма въ исторіи. Скорѣе наоборотъ: въ этихъ памятникахъ мы находимъ болѣе или менѣе яркое отраженіе всѣхъ сторонъ человѣческаго духа со всѣмъ богатствомъ его потенцій. Фактъ звѣроподобія первобытнаго человѣка обычно устанавливается антропологіей при посредствѣ такого методологическаго принципа, которому во всякомъ случаѣ нельзя давать распространеннаго истолкованія (*fallacia fictae universalitatis*), такъ какъ онъ является справедливымъ только въ предѣлахъ механическаго истолкованія мірового порядка. Сторонники механической эволюціи хотятъ понять весь біогенезисъ восходя послѣдовательно отъ простаго къ сложному. Опытъ свидѣтельствуетъ однако, что генетическій методъ имѣетъ ограниченное значеніе при изученіи явленій относящихся къ духовному міропорядку, и что онъ долженъ быть восполненъ методомъ аналитическимъ, который здѣсь играетъ почти исключительную роль. Только понявъ духъ на высшихъ стадіяхъ его выраженія, мы можемъ затѣмъ понять жизнь и на нисшихъ ступеняхъ ея выраженія, и только сочетаніе обоихъ этихъ методовъ даетъ намъ болѣе или менѣе адекватное представленіе объ исторической дѣйствительности. Съ другой стороны наблюденіе показываетъ намъ, что прогрессъ въ области духовной культуры и прогрессъ технической часто находятся какъ бы во взаимномъ антагонизмѣ и во всякомъ случаѣ прогрессъ духовной культуры вовсе не предопредѣляетъ собою развитіе внѣшней культуры. По этой причинѣ судить о духовной жизни первыхъ людей на основаніи немногихъ сохранившихся памятниковъ матеріальной культуры значитъ руководиться ложнымъ методологическимъ правиломъ, которое можетъ привести только къ ложнымъ результатамъ. Аналитическій методъ рѣшительнымъ образомъ измѣняетъ нашу исходную точку зрѣнія, благодаря которой мы рисуемъ себѣ первобытнаго человѣка въ совершенно иной перспективѣ и приближаемся къ пониманію библейской антропологіи.

Самораскрытіе человѣческаго духа въ историческомъ процессѣ осуществляется такъ же какъ и во всякомъ другомъ эволюціонномъ процессѣ подъ вліяніемъ противоположныхъ силъ, и въ зависимости отъ этого равновѣсіе исторіи постоянно нарушается, колеблется самая основа ея. Отсюда

становится понятной и великая тайна эволюции всего человеческого сознания, [то принижаящегося до состоянія полного саморазрушенія, то возвышающагося до самыхъ крайнихъ предѣловъ духовнаго просвѣтленія, то идущаго по пути къ мраку и смерти, то озаряемаго свѣтомъ духовной свободы и ясности. Исторія осуществляетъ свой высшій смыслъ, если она развивается подъ вліяніемъ общаго идеала человеческой личности, намѣчаемаго ея природою, если она углубляетъ и расширяетъ эмпирическое содержаніе человеческой личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ если она объединяетъ всѣ духовныя потребности и концентрируетъ ихъ около одной высшей цѣли, намѣчаемой религіею. Если же она развивается подъ вліяніемъ центробѣжныхъ силъ, ея идеаль становится неяснымъ, ея цѣли дѣлаются неопредѣленными и спутывается самая задача ея. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ путь историческаго движенія дѣлается крайне извилистымъ, онъ ведетъ черезъ длинную полосу тревожныхъ сомнѣній и разочарованій, обманутыхъ надеждъ и тяжкихъ искушеній, и, наконецъ, круто обрывается передъ страшными воротами смерти, разрушающей всѣ надежды и всѣ иллюзіи человѣка.

Если же исторія развивается имѣя въ виду возвышеніе человеческой личности, ея возведеніе на динамически высшую ступень, она не можетъ не встрѣтиться съ христіанствомъ, которое ясно опредѣляетъ цѣли исторіи и указываетъ дѣйствительныя средства къ ихъ достиженію. Выходящее за предѣлы историческаго порядка вещей непрерывное самораскрытіе человеческого духа, осуществляемое высшими преобразующими силами міра—вотъ сущность христіанской исторіософіи. По этой причинѣ, классическому изреченію—душа по природѣ христіанка—нельзя отказать въ философской продуманности. Высшее самоопредѣленіе человеческого духа, раскрываемое въ исторіи, и самоосуществленіе христіанства,—это одно и то же.

Все содержаніе исторіи подвергается рѣшительной переоцѣнкѣ въ зависимости отъ ясно или неясно сознаваемыхъ цѣлей ея. Если эти цѣли совершенно не сознаются, то обезцѣнивается все содержаніе исторіи, утрачивается самый критерій для оцѣнки, спутываются всѣ цѣнности и превращается въ хаосъ самое развитіе исторіи. Если исторія не хочетъ знать никакихъ цѣлей внѣ чисто историческаго горизонта и опирается только на самое себя, то она замы-

кается въ безвыходный кругъ и лишается своей естественной точки опоры. Если же, наконецъ, эти цѣли дѣлаются предметомъ яснаго созерцанія, если онѣ ставятся впереди исторіи въ качествѣ идей - силъ, въ качествѣ движущихъ основъ исторіи, то восстанавливается и возможная оцѣнка исторіи въ цѣломъ, восстанавливается въ своихъ дѣйствительныхъ правахъ все ея содержаніе; вся исторія культуры и все послѣдовательное развитіе цивилизаціи благодаря болѣе или менѣе ясному осознанію этихъ цѣлей, пріобрѣтаетъ свое право на оцѣнку. Въ этомъ случаѣ религія представляется какъ бы самосознаніемъ исторіи. И сама исторія только подтверждаетъ справедливость этого общаго теоретическаго положенія, имѣющаго свой особенный ограничительный смыслъ. Вся исторія древнихъ народовъ, до какой бы ступени культурнаго развитія они ни возвышались, свидѣтельствуешь о томъ, что религія являлась какъ бы осью всего историческаго бытія каждаго народа, глубочайшимъ и могущественнѣйшимъ источникомъ его возвышенія и его паденія. Но это соотношеніе дѣйствующихъ въ исторіи силъ до сихъ поръ не измѣнилось и даже не можетъ измѣниться, и только въ самомъ содержаніи религіи произошелъ рѣшительный переворотъ и абсолютная законченность: древнія религіи съ ихъ неясными и смутными надеждами, съ ихъ неопредѣленно расплывчатыми задачами, съ ихъ относительными и преходящими идеалами уступили свое мѣсто единственной и окончательной религіи съ ея универсальными задачами, христіанству. И единственной, подлинной и глубочайшей темой всемірной исторіи остается борьба невѣрія съ вѣрой, какъ справедливо полагалъ Гете. Въ этой борьбѣ христіанство обнаруживаетъ свою абсолютность не тѣмъ, что оно уничтожаетъ идеи и факты, замѣняя ихъ собою, а подвергаетъ ихъ рѣшительной переоцѣнкѣ, освобождая ихъ отъ односторонности и возводя ихъ къ высшему единству. Въ потокъ историческаго движенія вовлечена новая идея—сила самого высокаго порядка, которая для судебъ исторіи должна имѣть неизмѣримое значеніе. Исторія не можетъ дальше развиваться, не считаясь съ христіанствомъ, намѣренно или ненамѣренно замалчивая и обходя его. На этомъ признаніи и можетъ обосновывать свой выводъ оптимизмъ исторической эсхатологіи *).

И. Холоповъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки